

*Исторические науки***ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
ИДЕОЛОГИИ ПРАВЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ЦАРСКОЙ РОССИИ
В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ**

Стогов Д.И.

*Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»,
Санкт-Петербург, e-mail: bel-grigorij@yandex.ru*

Идеология правых (монархических) организаций Царской России определялась, прежде всего, их четко выраженной приверженностью монархической идее и Теории официальной народности, разработанной при Николае I министром народного просвещения графом С.С. Уваровым: «Православие, самодержавие, народность». Практически во всех программах правых организаций, в том числе крупнейшей из них – Союза русского народа (СРН) – изначально провозглашалось, что благо Отечества – в незыблемом следовании этой триединой формуле: православию должно было быть предоставлено первенствующее и господствующее положение, царская власть должна сохраняться неограниченной, а роль Государственной Думы сводиться только к совещательной функции. При этом первую и вторую Думы правые считали чужеродной и не признавали.

Правые резко критиковали современный бюрократический строй, заслонивший «светлую личность царя от народа». Русский народ, по мысли их идеологов, должен обладать господствующим положением в сохранении и развитии государства. В целом, по неоспоримому мнению современных исследователей, идеология правых не выходила за рамки общей православно-монархической концепции русской государственности и опиралась на воззрения поздних славянофилов (К.Н. Леонтьева, М.Н. Каткова, отчасти – Н.Я. Данилевского), а также монархистов и деятелей Церкви (Л.А. Тихомирова, К.П. Победоносцева и т.д.).

Однако следует отметить, что по отдельным вопросам мнения тех или иных правых организаций существенно расходились между собой. Так, один из лидеров СРН Н.Е. Марков одобрял аграрную политику П.А. Столыпина и утверждал, что «земля главным образом должна принадлежать тем, кто больше из нее извлекает питательных продуктов». Так как урожайность частновладельческих земель больше урожайности земель общинных, то, полагал Марков, следует способствовать выделению крестьян из общины. «Я, – подчеркивал он, – со своей стороны приветствую появление нового класса крестьян – мелких собственников или крестьян-помещиков».

Ратуя за «хозяйственного кулака», Марков выступал против общины: «Общинное землевладение есть не что иное, как крепостное землевладение, где свободная воля каждого отдельного крестьянина закреплена волею тех, которых <...> называют анархической толпой <...>, пьяной сплошь и рядом. Отдельный русский крестьянин – прекрасный, добрый, хороший, отзывчивый человек, но когда они собираются толпой, когда они составляют из себя общину, когда эту общину разные писаря споят водкой, тогда действительно эта община является зверем, и с этим зверем надо бороться» [1, с. 208–218].

В противовес Н.Е. Маркову первый председатель СРН А.И. Дубровин считал, что «хуторская реформа есть огромная фабрика пролетариата», и отмечал, что, «если до реформы пролетариата насчитывалось сотни тысяч – теперь его насчитывается миллионы, а в ближайшем будущем будет насчитываться десятки миллионов» [5, с. 448].

К убежденным критикам аграрной политики Столыпина можно также отнести видного идеолога русских правых К.Н. Пасхалова (1843–1924). Он полагал, что разрушение общины будет иметь для российской деревни непоправимые последствия. «...Если долой община, то по этой же причине почему не долой университеты, в которых производилось всевозможное пакоствничество и преступления, долой все министерства с их казнокрадствами и беззакониями, долой Гос <ударственная> Дума и – что тогда не долой?» [4, с. 325–326], – вопрошал, в частности, К.Н. Пасхалов.

Публицист также выражал озабоченность в связи с тем, как правительство намеревалось уравнивать крестьян в правах: «Удивительно странное толкование дается у нас понятию об уравнивании прав, когда дело идет о крестьянах. <...> Все уравнивание крестьян состоит до сих пор в постепенном отсечении всех преимуществ, которые они имели пред другими условиями» [4, с. 211].

Проблема отношения правых к решению рабочего вопроса по идеологическим причинам оставалась практически за кадром в советской историографии. Вместе с тем, далеко не все монархисты проявляли известную косность в решении рабочего вопроса. Некоторые из них предлагали целый спектр широких реформ в этой области. Так, в частности, сторонником серьезного реформирования рабочего законодательства являлся и один из идеологов правых, П.Ф. Булацель, который еще в 1900 году подготовил доклад о необходимости изменения рабочего законодательства в России [6, л. 1–10].

Особую озабоченность вызывали у политика многочисленные случаи увечий на произ-

водстве, при этом «предприниматели не имели никакой гражданской ответственности за несчастия с рабочими во всех тех случаях, когда нельзя было установить наличность со стороны предпринимателей какого-нибудь уголовно-наказуемого проступка» [6, л. 1]. Для решения проблемы Булацель предлагал изменить состав и принципы работы фабричных инспекций, а также особо подчеркивал необходимость ввести ответственность в виде денежной компенсации для помещиков, использующих наемный крестьянский труд, в случаях увечий работников.

Существенные расхождения в программе правых имелись и по национальному вопросу. Так, Всероссийский национальный союз, в отличие Союза русского народа, несколько видоизменил акценты в «уваровской» триаде, поставив на первое место не Православие, а «русскую народность» [2, с. 92–101]. Один из лидеров монархистов, М.О. Меньшиков, среди всего прочего, заметил, что «мы не хотим чужого, но

наша земля – Русская земля – должна быть нашей» [3, с. 176].

Подводя некоторые итоги, отметим, что, несмотря на общий консерватизм идеологии, в монархической среде существовали различные мнения по решению самых актуальных для России того времени вопросов – аграрного, рабочего, национального.

Список литературы

1. Государственная Дума 1906–1917: Стенографические отчеты. – М.: Фонд «Правовая культура», 1995. Т. 3. – 344 с.
2. Иванов А.А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. – 2007. – № 7. – С. 92.
3. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. – М.: Воениздат, 1991. – 223 с.
4. Пасхалов К.Н. Русский вопрос. – М.: Алгоритм, 2008. – 720 с.
5. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. – М.: Терра, 1996. Т. 1. – 656 с.
6. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1621. Оп. 1. Д. 34.

Культурология

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Жуковский В.И.

Сибирский Федеральный университет, Красноярск,
e-mail: jln@kraslib.ru

Теория как форма организации развивающегося знания возникает с целью быть мощным познавательным инструментом освоения своей предметной области. В искусствоведческом исследовании «Теория изобразительного искусства» [1] выдвигается ряд концептуальных положений, которые позволяют заложить фундамент теоретического знания об изобразительном искусстве в единстве произведений различных видов и жанров. Целостная теория – ключ к научной истории и методологии изобразительного искусства. Каждый, кто когда-либо приступал к освоению артефактов мирового искусства, сталкивался с проблемой систематизации постигаемых феноменов. Произведение изобразительного искусства – единственный в мире феномен «второй» природы, который в качестве «иллюзорно конечной» вещи способен выступить эффективным репрезентантом идеального отношения конечного человека с бесконечным Абсолютом.

Теория изобразительного искусства делает возможным изучение не только истории искусства Древней Руси в целом, а чувственно явленной сущности конкретных памятников отечественной архитектуры, скульптуры и живописи; выявлению самобытности продуктов древнерусской художественной культуры X–XVII веков.

Искусство Древней Руси [2] исследуются согласно концептуальным положениям теории изобразительного искусства, когда каждое произведение искусства есть художественный образ-процесс и результат диалогового отношения произведения-вещи и зрителя. Все когда-либо созданные художественные творения, призванные как индивидуально, так и совместно содействовать религиозному единению конечного человека и бесконечного Абсолюта, систематизированы в двойную спираль. Одна из входящих в систему спиралей, именуемая Ареаклассицизм, построена из произведений, в большей или меньшей мере визуализирующих эманационно диктатную тенденцию окончивания бесконечного. Другая системная спираль, именуемая Ареаромантизм, организована из художественных образов, с той или иной долей качества наглядно представляющих имманационно энтузиазную тенденцию обесконечивания конечного. Достаточно редкие, но регулярные точки пересечения двух спиралей системы произведений изобразительного искусства образованы из творений-шедевров, чувственно являющих сущность гармоничного равновесия указанных тенденций, единство диктата и энтузиазма, пандерацию эманации и имманации [1, с. 210–220].

Исходя из принципов теории изобразительного искусства памятники искусства Древней Руси исследуются в относительной независимости от актуально-исторических, экономических, политических и прочих процессов, протекавших на протяжении X–XVII веков в древнерусском государстве. Для системы архитектурных, скульптурных и живописных